
ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 393.95

DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой, в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия

Е. Е. Ямаева

Независимый исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

В традиционных представлениях народов Сибири собака занимает особое место. Мотив убийства собаки во время погребальной церемонии присутствует в эпосе телеутов «Кёзийке». Этот мотив можно расшифровать с помощью текста из Авесты, в котором говорится, что при погребении умершего к нему подвели собаку, чтобы душа благополучно добралась мира мертвых. Телеуты в историческом плане считаются потомками древних огузов – этнической группы народов тюркского происхождения. Сходные с индоиранскими мотивы и их этнографические истоки свидетельствуют о том, что предки ряда этнических групп алтайцев (теле/огузы) входили в древний ареал тюрко-иранской культурной общности.

Ключевые слова

собака, мифология, погребальный, обряд, телеуты, огузы, самодийцы, тюрко-иранский мир

Для цитирования

Ямаева Е. Е. Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой, в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 94–101. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-09-40048 «Пазырыкская культура в XXI веке: Новые интерпретации и концепции» (руководитель Н. В. Полосьмак).

One episode of a funeral ritual associated with a dog in the Teleut epic “Keziyke”: To the problem of Turkic (Oghuz) and Indo-Iranian cultural heritage

E. E. Yamaeva

Independent Researcher, Gorno-Altai, Russian Federation

Abstract

A dog plays a significant role in many universal myths. The famous Teleut epic “Keziyke” presents the motif of a dog being killed during the funeral ceremony. Also, this motif can be seen in the text of “Avesta” telling about bringing a dog to the funeral ceremony to help the soul reach the world of the dead safely. Teleuts are considered

© Е. Е. Ямаева, 2021

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2021. No. 2 (iss. 42)

descendants of the ancient Oguz, an ethnic group of Turkic origin. The oral folklore provided us with the idea of a dog state and people born with a dog body and a human head. The analysis of the Chinese chronicle allows assuming that a habit of people's feeding the dogs from their plate was despised by representatives of the official religion of the Turkic Tengrism. This information can serve as a chronological marker, suggesting confidently that the dog was not a deity in the religious-mythological pantheon of the Turks around the sixth century. Nevertheless, the Turks had neighbors, perhaps even Turkish-speaking people, greatly respecting. In the Teleut epic, the traces of the dog cult appear in the context of afterlife representations. The presence of the dog cult in the epic of Oguz indicates their worship of this living creature. They were also close to the Siberian peoples with the most prominent dog cult. The motifs similar to the Iranian and their ethnographic sources indicate that the ancestors of several Altai ethnic groups (Tele / Oguzes) were part of the ancient Turkic-Iranian cultural community.

Keywords

dog, mythology, funeral, rite, Teleuts, Oghuz, Samoyeds, Turkic-Iranian world

For citation

Yamaeva E. E. Ob odnom epizode pogrebal'nogo obryada, svyazannogo s sobakoy, v teleutskom skazanii «Keziyke»: K probleme tyurkskogo (oguzskogo) i indoiranskogo kul'turnogo naslediya [One episode of a funeral ritual associated with a dog in the Teleut epic "Keziyke": To the problem of Turkic (Oghuz) and Indo-Iranian cultural heritage]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2021, no. 2 (iss. 42), pp. 94–101. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

Acknowledgements

The research was conducted with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant no. 18-09-40048 "Pazyryk Culture in the 21st Century: New Interpretations and Concepts" (supervisor N. V. Polosmak).

Образ собаки как одного из самых распространенных домашних животных на земле присутствует во всех видах художественного творчества. Собака является распространенным персонажем в древнейших мифах и ритуалах. Древний человек путем метафорического языка, сравнений и аналогий пытался упорядочить поток информации и передать его через знаки и символы. В течение многих тысячелетий появлялись и исчезали цивилизации, история превращалась в мифологию, подвергалась пересмотру и адаптации в новых условиях. Целью статьи является сравнительное изучение мотивов и ритуалов, связанных с собакой, в культурной традиции алтайцев и народов сопредельных территорий. Предметом исследования служит ныне утраченный элемент с участием собаки в погребальной обрядности алтайцев, бытование которого, очевидно, имело место в древности, поскольку этот эпизод с собакой во время похорон зафиксирован в эпическом тексте «Кёзийке» телеутов. Данный мотив предлагается расшифровать с привлечением источников по истории и фольклору народов Сибири, а также текста Авесты.

Фольклорные тексты о собаке, зафиксированные у народов Центральной Азии, весьма разнообразны. В космологической модели мира собака занимает важнейшее место. В мифах алтайцев (телеутов) повествуется о том, что творец сотворил собаку, чтобы сторожить первочеловека; когда он ушел искать вечную душу для первочеловека, Эрлик, соблазнив собаку, внедрил душу в первого человека. Таким образом, с собакой связывается мотив утраты вечной души [Радлов, 1989, с. 147–151]. Мотив утраты бессмертной души по вине собаки присутствует в мифах селькупов [Селькупская мифология, 1998]. Наиболее развернутые мифы про собак мы находим в фольклоре и ритуалах манси, селькупов [Мошинская, Лукина, 1982; Бауло, Кулемзин, 2005, с. 175–176], якутов и бурят [Дыренкова, 2012]. Мотивы, связанные с собакой, присутствуют и в астральных мифах сибирских народов. В селькупском мифе небесный бог Нум, рассердившись на сына, собаку Кана, спустил его на землю. Собака Кан гнался за солнцем на востоке и догнал его на западе, пытаясь проглотить [Селькупская мифология, 1998, с. 39–40]. В алтайской мифологии мотив связи собаки с луной и солнцем обнаруживается в невербальной форме, фиксируемой в структуре обряда, проводимого во время лунного затмения [Алтай кеп-куучындар, 1994, с. 35].

В книге Н. П. Дыренковой приводятся сведения о том, что собаку посвящали духам буряты и якуты. Якуты посвящали духам живую собаку. Хозяин кормил ее и следил за тем, чтобы ее не били. Когда такая собака умирала, ее труп вешали на дерево [Дыренкова, 2012, с. 190–191]. Таким образом, в мировоззрении этих народов собака считалась жертвенным, посвященным богам животным.

Представление о собаке устойчиво фиксируется в обрядах жизненного цикла у народов Саяно-Алтая. У теленгитов главное блюдо на роинах называли *ийт мун* ‘собачьим бульоном’. Сначала *ийт мун* из чашки немного отливали собаке, потом подавали роженице [Шатинова, 1981, с. 74]. В шуточной, игровой форме проводился еще один семейно-бытовой обряд: перед тем, как положить ребенка в колыбель, алтайцы укладывали в нее щенка (или заменяющую его куклу). Аналогичный обряд существовал у хакасов, близкородственных телеутов [Бутанаев, Монгуш, 2005]. Таким образом, в родильном обряде хакасов и алтайцев в завуалированном виде также сохранились следы архаических представлений о собаке как о жертвенном животном.

Представление об участии собаки в погребальной обрядности обнаруживается в телеутском сказании «Кёзийке» [Кёзийке, 1995]. Согласно материалу, мать спрашивает у сына, кто ее похоронит, если она умрет; герой отвечает, что если она (мать) умрет, то ее похоронит *шибедин* ‘щенок’. В сказании их диалог представлен в песенной форме:

*Кара пеенг кыл куйрук,
Кар куру чийзе, кем кезер?
Карган эненг мен ёлзём,
Меенг сёёгим кем тьуур?*
‘Если хвост черной кобылы будет волочиться по земле (по снегу),
Кто отрежет его?
Если старая мать твоя помрет,
Кто ее похоронит?’

*Кара пеенг кыл куйрук,
Кар куру чийзе, калыгынг кезер.
Карган энем сен ёлзёнг,
Кара шибединг тьуугай!*
‘Если хвост черной кобылы будет волочиться по земле (по снегу),
Народ твой отрежет его.
Если старая мать моя помрет,
То похоронит ее черный щенок’ (здесь и далее перевод наш. – Е. Я.)
[Кёзийке, 1995, с. 47].

Перед отъездом сына мать поет песню:

*Карган эненгинг эмчегин
Катап-катап тартып ал*
‘Прошу высосать грудь своей старой матери (так),
Чтобы она высохла’

[Там же].

Кёзийке сосет грудь своей матери так, что она умирает. Он «разрывает желудок черного щенка», «кладет [мать] в *кайырчак*» (‘ящик’), хоронит ее в горе (*алтын туунынг пуурына* – букв. «в печени золотой горы») [Там же, с. 48]. Далее в сказании мотив повторяется: героиня (Байан Сылу) саблей разрезает брюхо щенка, обмывает кровью щенка усопшего героя Кёзийке (*Байан Сылу кылыжын мынанг ала, шибедининг ичин тьара тартып, аанг каньмынанг Кёзийди тьун тьат*) [Там же, с. 53].

Связанный с собакой мотив, некогда включенный в сюжет, сегодня является непонятным для читателей, так как в современной погребальной обрядности алтайцев каких-либо ритуальных действий по отношению к собаке / щенку, не наблюдается. Однако, поскольку в эпосе данный мотив повторяется, следует сделать вывод, что он был устойчивым; и это, в свою очередь, служит сигналом об утраченном звене обрядовой традиции.

Существовали ли в древности этнографические обряды и какие-то мировоззренческие представления, послужившие основой для возникновения подобного мотива? Анализ доступной нам научной литературы по археологии Южной Сибири показал, что собачьи погребения фиксируются уже в эпоху энеолита на территории Томско-Тымского Приобья и Васюганья на севере и в степном Алтае [Кирюшин, 2002, 2004]. В это время на рассматриваемых территориях формируется комплексный тип хозяйства, включающий в себя охоту, рыболовство и собирательство. По мнению Ю. Ф. Кирюшина, нет оснований говорить о каких-то формах скотоводства, хотя факты использования собак в пищу несомненны [Кирюшин, 2002, с. 100]. Собачьи погребения в период развитой бронзы и раннего железа стали предметом исследований Н. А. Кузнецова и Ю. С. Худякова [1998]. Ими было проанализированы материалы 16 погребений, в которых собаки захоронены по человеческому обряду. Авторы высказали три возможных причины захоронений такого типа: 1) собака является заменителем человека в кенотафе, 2) собака умерла «вместо человека», 3) собака погребена хозяином таким способом в благодарность за верную службу.

Одной из наиболее ранних работ, посвященных этой теме, была статья А. К. Атебекова [1978]. Могильник Карагай-Булак в Чуйской долине представляет собой образец классического собачьего погребения. Несмотря на то, что в могильнике обнаружены погребения двух собак и двух человек, погребения относятся к разряду разновременных. На территории Горного Алтая кости собаки зафиксированы исследователями В. А. Могильниковым и А. С. Суразаковым при раскопках многослойного памятника Ябоган III, относящегося к концу I в. до н.э. – началу I в. н.э. [Могильников, Суразаков, 2003]. На остеологический материал, связанный с собаками, обратила внимание А. С. Давыдова при раскопках Иволгинского городища (Бурятия) гуннского времени. Из общего числа домашних животных 29 % принадлежали собаке, остальные по убывающей градации – крупному и мелкому рогатому скоту, свинье, лошади, верблюду и яку. Причем все собаки были крупного телосложения [Давыдова, 1985]. В эпоху средневековья на территории Горного Алтая кости собак отмечены в захоронениях на Курае и Балык-Соок [Кубарев, 2003].

Таким образом, археологических памятников с собачьими погребениями не так уж и много. По количеству погребений и костей собаки можно выделить только район Среднего Енисея и Забайкалья. В Горном Алтае отдельные кости собак обнаружены только в двух или трех могильниках. Чтобы понять причины наличия костей собаки в древних могильниках, очевидно, необходимо обратиться к письменным и устным источникам.

Особая роль собаки отмечена в погребальных обрядах предков монголов – у племен ухуань и сяньби (конец I тыс. до н. э. и I в. н. э.). Именно собака была у них проводником души покойного в загробный мир, она приобщала душу умершего к его ранее ушедшим в тот мир, за гору Чишань, духам предков [Викторова, 1974]. Более многочисленны устные рассказы о том, что у ряда народов собака считалась тотемным животным. Существуют сведения о происхождении древних жунов от *бай-цюаня* ‘белой собаки’, т. е. белая собака в качестве тотема фигурировала уже примерно во II тыс. до н. э. [Там же].

Устный рассказ о собачьем государстве, в котором люди рождаются собаками (что косвенно указывает на собаку как тотемное животное), зафиксирован М. М. Хангаловым: «По словам унгинских бурят, на северо-восточной стороне есть *нохой ханы урам* ‘собачье царство’». «В этом собачьем царстве, по словам бурят, все мужчины рождаются собаками, которые такие же, как обыкновенные собаки, но только большие; женщины же рождаются людьми, как обыкновенные женщины. Все женщины в собачьем царстве постоянно делают *хурулха* ‘шаманский обряд’, желая, чтобы у них родились дети мужского пола не собаками, а людьми» [Хангалов, 1959, с. 220].

Первые письменные сведения о «собачьем государстве» зафиксированы в китайских источниках. В летописи рассказывается о том, что некий тюркский царевич поехал в гости в соседнее государство. Переступив его границы, он зашел в одну юрту и увидел, что хозяйка после еды дает свою тарелку вылизывать собакам. Царевич сказал: «Не пойду я в гости в это собачье государство!». И повернул обратно [Бичурин, 1950, с. 176]. В данном тексте важны, на наш взгляд, два момента: фиксация обычая, связанного с собакой в некоем собачьем государстве и отсутствие у самих тюрков (тугю) подобных привычек и представлений. Отсутствие почтительного отношения к собаке у тюрков-тугю не означает, что у других тюркских этнических групп этого не было. К настоящему времени представления о собаке у ряда тюркских

народов дошли в виде пережитка тотемизма. Так, в сознании киргизов тотемистические представления, связанные с собакой, уцелели лишь в виде отдельных, сильно трансформированных пережитков [Абрамзон, 1971]. В алтайских текстах говорится, что предок майманов (фонетическая передача этнонима найман на алтайском языке) в голодное время зарезал и съел свою собаку и благодаря этому выжил¹. Найманы, как известно, сегодня признаются потомками огузов (теле). Местом их первоначального обитания является Тува, в частности район, где живут таежные охотники тоджинцы [Потапов, 1969, с. 145].

Таким образом, роль собаки в культурно-исторической традиции народов Сибири прослеживается с древнейших времен до наших дней. Упоминание об эпизоде с участием собаки (ныне утраченном) в погребальном обряде сохранилось лишь в алтайском сказании «Кёзийке». Безусловно, этот эпизод можно интерпретировать как сопровождение собакой умершего. Археологические материалы могут стать подтверждением мнения А. К. Атебекова о том, что в различные периоды истории народов Центральной Азии имело место культовое погребение собаки, а культ собаки и обычай ее захоронения связаны с ритуалами зороастризма [1971]. Действительно, этнографические факты захоронения собак имеют мифологическую основу. Образы собак затрагивались в исследованиях Б. А. Литвинского по индоиранской мифологии [1972]. Так, он отмечает, что в Авесте рассказывается, как душа умершего добирается до Чинватского моста, где происходит ее допрос, а затем прекрасная девушка в сопровождении двух собак ведет душу верующего через мост к «стене», образующей границу небесного мира. Отсюда душа направляется к Ахура-Мазде. В связи с культом собаки как «волшебного существа» интересно описание церемоний «сагдид» в Видевдате: к умершему человеку подводят собаку для того, чтобы она поглядела на труп. Эта церемония связана с зороастрийскими представлениями о друждах — порождениях Ангро-Манью, злобных существах женского пола. Одно из них — Насу — вселяется в тело человека сразу же после того как душа его покинет. На любого, приблизившегося к мертвому, Насу способна наслать болезнь или даже смерть. С целью изгнания Насу и производилась церемония «сагдид». Б. А. Литвинский обращает внимание на специальные захоронения собак, иногда волков и козлов, на памятниках древней Индии. Исследователи пришли к выводу, что такого рода верования восходят еще ко времени индоиранской общности. В литературе уже отмечалось, что «у древних персов собаки окружались величайшим почетом, ибо считалось, что в них помещаются человеческие души после смерти. Поэтому труп человека отдавался на съедение собакам, бродившим повсюду в большом количестве» [Там же, с. 118]. В Авесте встречается ряд указаний на то, что религия Ахура-Мазды берет под свою защиту собаку как животное, созданное самим богом [Авеста, 1956, с. 36].

Таким образом, в телеутском сказании «Кёзийке» сохранились следы древнейшего погребального обряда. Архаический ритуал, послуживший основой эпического сюжетообразования, к моменту записи сказания стал уже непонятным даже для носителей традиционных знаний. Мотив намазывания собачьей кровью тела усопшего (или хотя бы какого-либо предмета из сопроводительного инвентаря) можно понять только из текста Авесты, в котором говорится, что перед погребением умершего к его телу подвели собаку с целью обеспечить душе благополучный путь в мир мертвых. Далее, представления, мотивы и обряды, связанные с собакой, до настоящего времени в целом, системном виде сохранились у тюрков Саяно-Алтая и народов сопредельных территорий. Нет сомнения, что их далекие предки контактировали с индоиранцами, и, возможно, сходные фольклорные мотивы и их этнографические истоки свидетельствуют о том, что предки ряда этнических групп алтайцев (теле / огузов) входили в древний ареал тюрко-иранской культурной общности.

¹ Текст «Кара-майман ла кегел-майман = Кара-майманы и кёгёл-майманы», записан Е. Е. Ямаевой в 1977 г. от А. Анатова, рода кара-майман, жителя с. Кулада Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области (ныне Республики Алтай); умер в конце 1970-х гг. Текст с таким же названием был опубликован в газете «Алтайдын Чолмоны» в 1975 г., самозапись Д. Шалтаева, из рода кёгёл-майман, жителя с. Кулада Онгудайского района Горно-Алтайской автономной области, умер в конце 1980-х гг. Хотя в тексте Д. Шалтаева: «После жестокой войны два брата из племени майман бежали на Алтай. Чтобы выжить, убили свою собаку. Так дошли до Алтая. Один стал главой родового подразделения кара-майман, другой – кёгёл-майман» (перевод наш. – Е. Я.), – не говорится напрямую, что собаку съели, это очевидно. Майманы считают собаку своим тотемом.

Список источников

- Алтай кеп-куучындар* / Сост. Е. Е. Ямаева, И. Б. Шинжин. Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1994. 415 с. (На алт. яз.).
- Авеста* / Пер. Е. Э. Бертельса // Брагинский И. С. Из истории таджикской народной поэзии. Элементы народно-поэтического творчества в памятниках древней и средневековой письменности. М.: Изд. Академии наук СССР, 1956. 496 с.
- Кёзийке* // Алтай фольклор. К. И. Максимовтынг телеут диалектле тьууган фольклор бичимелдериненг / Сост. Т. М. Садалова. Горно-Алтайск, 1995. С. 31–53. (На алт. яз.).

Список литературы

- Абрамзон С. М.* Киргизы и их этнические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971. 403 с.
- Атебеков А. К.* О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // Краткие сообщения. Ранние кочевники. М.: Наука, 1978. № 154. С. 59–71.
- Бауло А. В., Кулемзин В. М.* Ханты. Мировоззрение и культовая практика // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Эңцы. Нганасаны. Кеты. М.: Наука, 2005. С. 166–183.
- Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Ч. 1. 471 с.
- Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2005. 200 с.
- Викторова Л. Л.* Ранние формы религии киданей // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск: Наука, 1974. С. 261–265.
- Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
- Дыренкова Н. П.* Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб.: МАЭ РАН, 2012. 408 с. (Кунсткамера – Архив. Т. VI).
- Кирюшин Ю. В.* Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. 292 с.
- Кирюшин Ю. В.* Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 293 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая. По материалам погребальных памятников. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. 400 с.
- Кузнецов Н. А., Худяков С. Ю.* О захоронениях собак на Среднем Енисее по человеческому обряду // Сибирь в панораме тысячелетий (Материалы междунар. симпозиума). Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 308–316.
- Литвинский Б. А.* Древние кочевники «крыши мира». М., 1972.
- Могильников В. А., Суразаков А. С.* Раскопки памятников Ябоган-III // Археология и этнография Алтая. Горно-Алтайск: Тип. Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. Вып. 1. С. 26–63.
- Мошинская В. И., Лукина Н. В.* О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 46–60.
- Пелих Г. И.* Селькупская мифология. Томск, 1998. 79 с.
- Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.: Наука, 1969. 196 с.
- Радлов В. В.* Из Сибири. М.: Гл. ред. вост. лит., 1989. 749 с.
- Хангалов М. Н.* Собрание сочинений. Улан-Удэ, 1959. Т. 2. 444 с.
- Шатинова Н. И.* Семья у алтайцев. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во. Горно-Алт. отд-ние, 1981. 184 с.

List of sources

Altay kep-kuuchyndar. E. E. Yamaeva, I. B. Shinzhin (Comps.). Gorno-Altaysk, Ak-Chechek, 1994, 415 p. (In Altai).

Avesta. Trans. by Ye. E. Bertels. In: Braginsky I. S. *Iz istorii tadzhikskoy narodnoy poezii* [From the history of Tajik folk poetry]. Moscow, 1956, p. 36. (In Altai).

Keziyke. In: *Altay fol'klor. K. I. Maximovtyng telut dialectle Tougan folklore bichimeldereng*. T. M. Sadalova (Comp.). Gorno-Altaysk, 1995, pp. 31–53. (In Altai).

References

Abramzon S. M. *Kirgizy i ikh etnicheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [Kirgiz and their ethnic, historical and cultural ties]. Leningrad, Nauka, 1971, 403 p. (In Russ.).

Atebekov A. K. O pogrebenii sobaki v usun'skom kurgane v Chuyskoy doline [On the burial of a dog in the Usun barrow in the Chui Valley]. In: *Kratkie soobshcheniya. Rannie kochevniki* [Brief Communications. Early nomads]. Moscow, Nauka, 1978, no. 154, pp. 59–71. (In Russ.).

Baulo A. V., Kulemsin V. M. Khanty. Mirovozzrenie i kul'tovaya praktika [Khanty Worldview and religious practice]. In: *Narody Zapadnoy Sibiri. Khanty. Mansi. Sel'kupy. Nentsy. Entsy. Nganasany. Kety* [Peoples of Western Siberia. Khanty. Muncie. Selkups. Nenets. Enets. Nganasans. Chum salmon]. Moscow, Nauka, 2005, pp.166–183. (In Russ.).

Bichurin N. Ya. *Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena* [Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1950, pt. 1, 471 p. (In Russ.).

Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. *Arkhaicheskie obryady i obychai Sayanskikh tyurkov* [Archaic rites and customs of the Sayan Turks]. Abakan, Katanov Khakass State University Publ. House, 2005, 200 p. (In Russ.).

Davydova A. V. *Ivolginskiy kompleks (gorodishche i mogil'nik) – pamyatnik khunnu v Zabaykal'e* [Ivolginsky complex (ancient settlement and burial ground) – monument to the Huns in Transbaikalia]. Leningrad, Leningrad State University Publ. House, 1985, 111 p. (In Russ.).

Dyrenkova N. P. *Tyurki Sayano-Altaya. Stat'i i etnograficheskie materialy* [Turks of Sayano-Altai. Articles and ethnographic materials]. St. Petersburg, MAE RAN, 2012, 408 p. (Kunstkamera – Arkhiv. T. VI [Kunstkamera – Archive. Vol. VI]). (In Russ.).

Khangelov M. M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Ulan-Ude, 1959, vol. 2, 444 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. V. *Eneolit i rannyya bronza yuga Zapadnoy Sibiri* [Aeneolithic and early bronze of the south of Western Siberia]. Barnaul, Altai University Publ. House, 2002, 292 p. (In Russ.).

Kiryushin Yu. V. *Eneolit i bronzovyy vek yuzhno-taizhnoy zony Zapadnoy Sibiri* [Aeneolithic and Bronze Age of the South-Taiga zone of the Western Siberia]. Barnaul, Altai State University Publ. House, 2004, 293 p. (In Russ.).

Kubarev G. V. *Kul'tura drevnikh tyurok Altaya. Po materialam pogrebal'nykh pamyatnikov* [Culture of the ancient Altai Turks. According to the materials of funerary monuments]. Novosibirsk, Publ. House of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, 2003, 400 p. (In Russ.).

Kuznetsov N. A., Khudyakov S. Yu. O zakhoroneniya sobak na Srednem Enisee po chelovecheskomu obryadu [On the graves of dogs on the Middle Yenisei on the human rite]. In: *Sibir' v panorame tysyachetiy (Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma)* [Siberia in the panorama of millennia (Materials of the international symposium)]. Novosibirsk, Publ. House of the Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS, 1998, vol. 1, pp. 308–316. (In Russ.).

Litvinskiy B. A. *Drevnie kochevniki "kryshi mira"* [Ancient nomads of the “roof of the world.”]. Moscow, 1972. (In Russ.).

Mogil'nikov V. A., Surazakov A. S. Raskopki pamyatnikov Yabogan-III [Excavations of the monuments of Yabogan-III]. In: *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archeology and Ethnography of Altai]. Gorno-Altaysk, Printing house of Gorno-Altai State University, 2003, iss. 1, pp. 26–63. (In Russ.).

Moshinskaya V. I., Lukina N. V. O nekotorykh osobennostyakh v otnoshenii k sobake u obskikh ugrov [On some features in relation to the dog in the Ob Ugrians]. In: *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and ethnography of Priobye]. Tomsk, 1982, p. 46–60. (In Russ.).

Potapov L. P. *Etnicheskiy sostav i proiskhozhdenie altaytsev* [Ethnic composition and origin of the Altaians]. Leningrad, Nauka, 1969, 196 p. (In Russ.).

Radlov V. V. *Iz Sibiri* [From Siberia]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vost. lit., 1989, 749 p. (In Russ.).

Sel'kupskaya mifologiya [Selkup mythology]. G. E. Pelyh (Comp.). Tomsk, 1998. (In Russ.).

Shatinova N. I. *Sem'ya u altaytsev* [Family of the Altai people]. Gorno-Altaysk, Altayskoye knizhn. izd. Gorno-Altayskoe otd., 1974, 240 p. (In Russ.).

Viktorova L. L. Rannie formy religii kidaney [Early forms of the Khitan religion]. In: *Bronzovyy i zheleznyy vek Sibiri* [Bronze and Iron Age of Siberia]. Novosibirsk, Nauka, 1974, p. 261–265. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию

The manuscript was submitted on

11.05.2021

Сведения об авторе

Ямаева Елизавета Еркиновна – доктор исторических наук, независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861

Information about the Author

Elizaveta E. Yamaeva – Doctor of History, independent researcher (Gorno-Altaysk, Russian Federation)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861